

О СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Валентин Павлович Бабинцев¹

Галина Николаевна Гайдукова²

Яна Игоревна Серкина³

Жанна Александровна Шаповал⁴

^{1, 3, 4} Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

² Северо-Западный институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия

¹ babintsev@bsuedu.ru,
ORCID 0000-0002-0112-6145

² gaydukova-gn@ranepa.ru,
ORCID 0000-0001-6300-9174

³ serkina_ya@bsuedu.ru,
ORCID 0000-0002-5106-7104

⁴ shapoval@bsuedu.ru,
ORCID 0000-0002-8069-9274

Для цитирования: Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Серкина Я. И., Шаповал Ж. А.
О структуре социальной технологии // Социологическая наука и социальная практика.
2026. Т. 14, № 3. С. 81–96. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.5. EDN NIEUVU.

Аннотация. Статья посвящена теоретическому переосмыслению феномена социальной технологии в условиях усложнения технико-технологической структуры современного общества, цифровизации и формирования гибридной реальности. Цель работы – рассмотреть социальную технологию как сложно структурированную общественную практику, эффективность которой в гибридной среде обеспечивается алгоритмизацией и синхронизацией её ключевых элементов. Методологической основой исследования выступают положения теории социального действия М. Вебера, акцентирующие доминирование целерационального типа поведения в современной цивилизации, а также концепции социотехнических и социобиотехнических систем. Авторы опираются на сравнительный анализ публикаций, диссертационных исследований и учебной литературы по проблемам социального управления, социальной инженерии и социальных технологий. В работе подчёркивается, что сложившиеся ещё в конце прошлого века представления о социальной технологии в условиях гибридной реальности нуждаются в дополнении и корректировке, что обусловлено, во-первых,

© Бабинцев В. П., 2026

© Гайдукова Г. Н., 2026

© Серкина Я. И., 2026

© Шаповал Ж. А., 2026

изменением самого объекта технологизации – общественных процессов, которые приобретают гибридный, многомерный и внутренне противоречивый характер; во-вторых, массовым внедрением цифровых технологий, порождающих социобиотехнические системы; в-третьих, недостаточной разработанностью понятийного аппарата, в частности отсутствием строгих критериев для разграничения социальной технологии и смежных понятий («метод социального управления», «технология социального управления», «механизм социального управления», «процедура социального управления», «цифровая технология»). Обосновывается, что в настоящее время социальную технологию следует понимать как сложно структурированный комплекс алгоритмически выстроенных, синхронизированных «физических» (природных и технических), социальных и информационно-коммуникационных (цифровых) процедур и операций, разработанных и используемых для оптимизации общественных процессов. Авторы подчёркивают, что предложенный подход не претендует на бесспорность, но призван стимулировать научную дискуссию и дальнейшую разработку теории социальных технологий применительно к вызовам цифрового и гибридного общества.

Ключевые слова: социальная технология, социальная инженерия, инженерное знание, гибридизация, цифровизация, социобиотехническая система, социальное управление

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-02281 (<https://rscf.ru/project/25-28-02281/>).

Введение

Усложнение технико-технологической структуры современного социума стимулирует возрастание интереса к инженерному знанию и инженерным практикам. Исследователи утверждают: «Продвижение интересов инженерии: *инженерный ренессанс*, – это минимум, который нужен, чтобы не утратить достигнутый Человечеством технологический уровень» [1, с. 9]. Характерной чертой «инженерного ренессанса» является попытка распространить методологию инженерного подхода на социальную сферу и в очередной раз вернуться к идеям социальной инженерии, которые в самом общем виде были сформулированы ещё К. Поппером. В работе «Нищета историцизма» он, в противовес утопическим проектам преобразования общества, попытался обосновать перспективность их поэтапного «поэлементного» изменения в рамках «технологического подхода к социологии» [2, с. 69]. Возможно, К. Поппер был не первым автором, попытавшимся соединить социальное знание с технологическим (сегодня его вполне допустимо определить как инженерное¹). В любом случае исключительно важным для последующего развития идеи подобного синтеза является то, что философ выделил главный постулат области знания, определяемой сегодня как теория социальных технологий, – результативность социально преобразующих действий может быть достигнута лишь при условии их последовательности, поэтапности.

¹ Сам К. Поппер употреблял термин «инженерия» для «описания практического применения поэлементной технологии» [2, с. 75].

На этом же впоследствии настаивали болгарские исследователи М. Марков и Н. Стефанов, чьи работы стали в своё время своеобразным триггером интереса к проблематике социальных технологий в России. М. Марков, в частности, рассматривая социальные технологии как способ последовательного преобразования социальных процессов, писал: «Для технологизации любого процесса необходимо наличие, по крайней мере, двух условий. *Первое*: сам процесс должен иметь такую степень сложности, которая позволяла бы и требовала расчленения его на относительно обособленные части. Следовательно, потребность в создании технологии диктуется, прежде всего, самим объектом, степенью его сложности. *Второе*: изыскание средств, которые позволили бы так систематизировать действия субъекта, чтобы максимальный эффект достигался при минимуме усилий» [3, с. 45].

По прошествии уже многих лет, характеризующихся то повышением, то снижением внимания к феномену социальных технологий, эта исходная позиция остаётся неоспоримой; социальные технологии – это система процедур и операций, предполагающих последовательное преобразование реальности. Белгородский автор Л. Я. Дятченко, в полном соответствии с поэлементным подходом К. Поппера, рассуждал о них как о «специально организованной области знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов» [4, с. 52]. Современные социальные технологи довольно часто ссылаются именно на это определение.

Однако анализ российской проблематики социальных технологий показывает, что большинство фундаментальных и эмпирических исследований в этой области выполнено ещё в конце прошлого века. Безусловно, многие выводы, сформулированные тогда авторами (И. В. Бурмыкина, Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев, В. В. Щербина и др.), стали классическими. Однако социальная реальность стремительно меняется, поэтому эти выводы нуждаются в уточнении, корректировке и развитии.

В данной связи показательно, что один из признанных авторитетов в исследовании социальных технологий (в авторской версии – СТ) В. В. Щербина ещё десять лет назад подчёркивал ограниченность утвердившихся в науке суждений о предметном поле этой отрасли знания: «К числу немногих конвенционально согласованных представлений о феномене СТ сегодня можно отнести следующие: а) большинство связывают представление об СТ с решением практических задач социальной сферы; б) СТ относят к числу инструментальных средств, включающих в себя набор норм, предписаний и запретов, в совокупности выступающих в качестве поведенческих или деятельностных стандартов, задающих порядок и содержание действий людей в привязке к решаемой задаче или социальному процессу; в) свойства СТ выводят из содержания двух его составляющих – термина «технология» (хотя представления о свойствах технологии в разных авторских концепциях отличаются) и термина «социальность»; г) указывают на то, что любой из их типов применим к ограниченному

перечню сфер и конкретному типу практических задач, решаемых в рамках социальной жизни (хотя обоснование её специфики сегодня является проблемой)» [5, с. 117].

Ситуация мало изменилась и сегодня. Основные работы, в которых анализируются теоретические и практические аспекты социальных технологий, имеют учебно-методический характер [6; 7]. Их авторы, что подтверждается перечнем используемой ими литературы, остаются в рамках идей, сформулированных ещё 30–40 лет назад. Однако сегодня недостаточно полной представляется формулировка, авторы которой утверждают, что «социальная технология – это форма управленческого воздействия на объект, связанная с получением заданного результата и отличающаяся наличием практической цели, алгоритма действий и стандартов, обеспечивающих воспроизводство этого результата». Не решает проблемы даже последующее разъяснение: «В представленном определении социальной технологии следует выделить три существенных момента:

- наличие совокупности этапов, процедур и операций;
- моделирование определённой последовательности операций;
- определение способов осуществления операций» [6, с. 30].

Все эти характеристики были отмечены исследователями ещё в конце прошлого века, однако общественные процессы, выступающие объектом технологизации, за прошедшее время существенно изменились, приобрели гибридный характер. И было бы нелепо утверждать, что социальные технологии, вопреки переменам, обусловленным цифровизацией/дигитализацией реальности, должны сохранять неизменную форму. Как и большинство используемых в настоящее время практик, они с неизбежностью приобретают сложную структуру, ибо в противном случае окажутся неспособными выполнить функцию оптимизации многомерных и внутренне противоречивых общественных процессов. Задача социально-гуманитарного знания, как обоснованно утверждал О. Н. Яницкий, заключается в осмыслении всей суммы вызовов, определяющихся цифровизацией/дигитализацией [8].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть социальную технологию как сложно структурированную общественную практику, успех применения которой в гибридной среде может быть обеспечен алгоритмизацией и синхронизацией её элементов.

Методология и методика исследования

Проведённое исследование имеет теоретический характер и в концептуальном плане опирается на положения теории социального действия М. Вебера, которые не исчерпали своего эвристического потенциала в современном обществе. Авторы исходят из утверждения о том, что технологизация общественных процессов является естественным следствием доминирования целерационального типа социального действия, сложившегося в рамках так называемой «западной» цивилизации, к числу базисных ценностей которой относятся

активность и суверенность личности, приоритет инноваций и прогресса, культ власти и силы [9]. Характерной чертой социальных практик в случае принятия этих ценностей становится ориентация индивида «на цель, средства и побочные результаты его действий» [10, с. 629], то есть на те элементы, которые присущи любой социальной технологии, делая её повсеместно востребованной.

Авторы учитывают, что в современном обществе появляется дополнительный фактор, стимулирующий интерес к социальным технологиям. Он связан с массовым внедрением цифровых технологий, под воздействием которых формируется новая гибридная реальность, динамично наполняющаяся сложными «социотехническими» [11] или социобиотехническими системами (СБТ-системами) [12]. Органически соединяя в себе технические, биологические и социальные элементы, эти системы разрушают стереотип относительно невозможности или крайней сложности интеграции данных компонентов и предоставляют аргументы, подкрепляющие идею сложной структуры социальной технологии. Элементы этой структуры мы попытались выделить на основе сравнительного анализа публикаций и диссертационных исследований¹ по проблемам социального управления, социальной инженерии и социальных технологий.

Однако, как уже отмечалось, исследователи по-прежнему либо воспроизводят тезисы, сформулированные их предшественниками, в лучшем случае уточняя детали, либо иллюстрируют известные положения новыми фактами. Следствием этого стало перемещение фокуса рассмотрения социальных технологий на страницы учебников. И хотя специфика учебной литературы не способствует глубине анализа, в ней формулируются положения, которые к настоящему времени приобрели статус констант, задающих исходные параметры для обсуждения. Тем более, некоторые учебники в данном случае подготовлены на основе обобщения солидного научного материала. Примером может служить изданное в своё время в Киеве, но ставшее весьма популярным в России учебное пособие «Теория социальных технологий» [13]. Анализ положений, содержащихся в учебных изданиях, по нашему мнению, позволяет реконструировать общую ситуацию в социально-технологической теории.

Обсуждение результатов

Необходимым условием формирования адекватного представления о структуре социальной технологии является разграничение её и близких по содержанию процессов. К числу понятий, требующих в данной связи строгого определения, относятся: «метод социального управления»; «технология социального управления»; «механизм социального управления»; «процедура социального управления»; «цифровая технология».

¹ Авторы имели возможность изучить диссертации, защищённые в диссертационном совете БелГУ по специальности «Социология управления» за последние 20 лет, в которых в той или иной мере рассматривалась проблематика социальных технологий.

При всей близости к понятию «социальная технология» ни одно из них не является ему тождественным, хотя зачастую этими дефинициями определяют одни и те же практики, используемые в регулировании общественных процессов. Для выявления адекватности использования каждого понятия следует ясно представить набор обязательных признаков социальной технологии. В принципе они сформулированы исследователями, хотя и не всегда приводятся в едином перечне и в ряде случаев требуют уточнения. К числу таких признаков обычно относят следующие:

– *рациональность*. При всей неоднозначности интерпретации рационального поведения людей в научной литературе существует его «стандартная» [14] концепция, согласно которой в современном обществе оно предполагает способность действовать в соответствии с принципами логики, теорией вероятностей и потребительского выбора [15]. В силу данного требования социальная технология имеет место тогда, когда действия построены с учётом причинно-следственных связей, расчёта возможных выгод и потерь в зависимости от прогнозируемых сценариев развития действительности;

– *целесообразность*. Социальная технология представляет собой едва ли не самый наглядный пример целерационального типа социального поведения. Ещё Н. Стефанов подчёркивал, что социальная технология представляет собой деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект [16, с. 174–184];

– *алгоритмизация*. Развитие теории социальных технологий в XX в. было детерминировано идеей о том, что с их внедрением люди получают возможность изменять общество (или, по меньшей мере, его отдельные части), используя однозначно установленный порядок действий, при котором каждый последующий шаг осуществляется по завершении предыдущего. В словаре-справочнике «Социальное управление» прямо утверждалось: «Социальная технология – алгоритм, процедура осуществления действий в различных областях социальной практики...» [17, с. 150]. Впоследствии идея социальной технологии как алгоритма, являющаяся, по нашему мнению, ключевой в социально-технологическом подходе, отошла на второй план. Так, в учебном пособии для вузов под редакцией И. Б. Орловой утверждается, что «Социальная технология выступает в двух формах: как *программа*, содержащая конкретную цель, процедуры, операции, этапы, показатели промежуточных результатов, и как сама *деятельность*, построенная в соответствии с этой программой» [7, с. 17]. Соответствие программе, как и сама программа, не являются признаками алгоритма. Ограничение только этими критериями существенно снижает как уровень теоретического анализа проблемы, так и эффективность практической работы. Можно выделить три основных фактора отказа от акцентирования внимания на алгоритмической природе социально-технологических практик. Во-первых, по мере распространения взглядов на человеческое поведение, которые обычно соотносят с идеями постмодернизма, исследователи всё чаще стали подчёркивать невозможность рационализации и – соответственно – технологизации многих

процессов, связанных с деятельностью человека. Так стала популярной концепция Э. Бёрка, утверждавшего, что всегда будет существовать устойчивый комплекс иррациональных компонентов, определяемый им как «предрассудки» [18]. Во-вторых, глобализирующееся общество стало крайне неустойчивым, нестабильным, что позволило И. Пригожину и И. Стенгерс определить его состояние как «турбулентный хаос» [19]. В хаотизирующейся среде трудно выстраивать алгоритмы, требующие устойчивых структур и твёрдо установленных норм. Наконец, в-третьих, неизбежно возникала проблема сочетания требования вариативности поведения актора с необходимостью выстраивать поведение по алгоритму. И. В. Бурмыкина в данной связи сформулировала идею гибкого алгоритма [20, с. 250], которая в более поздних работах некоторых исследователей трансформировалась в тезис о социальной технологии как об алгоритме с ветвлением [21, с. 331–332]. Однако этот аспект проблемы пока остаётся недостаточно разработанным;

– *упорядоченность и планомерность*. Выше уже отмечалось, что о социальных технологиях можно говорить лишь в том случае, если действие имеет сложную структуру и может быть разделено на несколько этапов. Некоторые авторы заявляют о применении социально-технологического подхода, не осуществляя такой операции, сводя содержание к набору рационально и даже научно обоснованных мер, направленных на решение какой-либо общественной проблемы. Рациональность и научная фундированность становятся в этом случае синонимами технологичности, что представляется не вполне корректным. Не упорядоченные в определённой последовательности действия, даже если они разумны и приводят к результату, не должны относиться к классу социальных технологий. Их можно классифицировать как методы, механизмы, процедуры или операции, но этого недостаточно для заявлений о технологичности, так как указанные действия не предполагают алгоритмически выстроенных процедур, что следует считать их существенной характеристикой, но отнюдь не недостатком. В то же время любые рационально организованные, а тем более научно обоснованные практики создают предпосылки для перехода к социальным технологиям и вполне могут определяться как прототехнологии [22]. В перспективе, при наличии достаточной сложности деятельности по изменению объекта и её алгоритмизации они могут быть доведены до уровня социальных технологий. В отсутствии этих условий определять их технологиями бессмысленно и даже вредно.

В данной связи возникает вопрос: каково должно быть минимальное количество этапов действий или соответствующих им процедур (каждая из них представляет собой несколько взаимосвязанных действий и, в свою очередь, делится на операции – локализованные в пространстве и времени отдельные действия), чтобы можно было рассматривать их как технологии. Решение данного вопроса далеко не однозначно, поскольку до настоящего времени не было попыток предложить достаточно строгие критерии. В их отсутствие проблематичным является даже деление социальной технологии на процедуры. В конечном итоге

любую процедуру, включающую в себя не менее двух действий, можно считать технологией с ограниченным числом этапов.

На наш взгляд, основанием для установления универсального критерия, который позволяет определить минимально необходимое число этапов или процедур социальной технологии, является представление о ней как о завершённом цикле. В данном случае уместно говорить о социально-технологическом цикле, выстраиваемом по аналогии с управленческим циклом¹, концепция которого довольно хорошо разработана в научной литературе [4]. Однако использование этой концепции должно учитывать нетождественность понятий «технологии социального управления» и «социальные технологии», поскольку социальные технологии применяются не только в управлении, но и, в частности, для решения жизненных проблем.

Проектируя социально-технологический цикл, можно опираться на его различные модели, однако для решения проблемы критерия целесообразно ограничиться минимально необходимым числом элементов. Они включают в себя: целеполагание, оценку (диагностику) ситуации, принятие решения, реализацию решения, оценку результатов. Следовательно, любая социальная технология должна включать в себя как минимум пять этапов или процедур;

– *рефлексивность*. Разработка и применение социальной технологии предполагает постоянную критическую оценку субъектом результатов своих действий на каждом этапе и по завершении цикла. Обязательность её является логическим следствием рационального отношения к реальности, предполагающего учёт выгод и потерь, полученных в результате затраченных усилий. Инструментальная функция рефлексии проявляется и в том, что деятельность, реализуемая по модели алгоритма с ветвлением в нестабильной среде, связана с необходимостью корректировки поведения актора по завершению каждого этапа и выбора его наиболее оптимального варианта в соответствии с открывающимися альтернативными возможностями.

Довольно трудно дать однозначный ответ на вопрос, следует ли относить к числу необходимых признаков социальных технологий ценностные характеристики, в частности такие, как *гуманистическая ориентированность и адекватность социальным нормам*. Так, Л. А. Лесина и Л. Д. Забокрицкая, характеризуя определяющие их построение принципы, подчёркивают, что «технологии должны быть подчинены прежде всего интересам человека, укреплению его прав и свобод» [6, с. 37]. В рамках такого подхода для определения деструктивных социально-технологических действий обычно используется понятие «антитехнологии».

Однако в самих определениях социальных технологий, несмотря на различие авторских подходов, как правило, не заложена ценностная составляющая. Это оставляет возможности для двоякого толкования. Либо социальные

¹ Л. А. Лесина и Л. Д. Забокрицкая используют понятие «жизненный цикл управленческих технологий», которое не вызывает принципиальных возражений, за исключением того, что наделяет практику качеством, свойственным живой природе [6, с. 45].

технологии следует делить на позитивные и негативные по своим следствиям, рассматривая специфику тех и других применительно к каждой жизненной сфере; либо считать так называемые «антитехнологии» особой группой общественных практик, для анализа которых необходим свой понятийный аппарат. В первом случае вновь возникает проблема критериев разграничения «хороших»/«полезных» и «плохих»/«вредных» практик, что весьма непросто в силу дифференциации интересов различных субъектов. То, что с восторгом принимается одними, нередко другими отвергается. Единые суждения, как правило, возможны лишь в отношении некоторых однозначных представлений о добре и зле. В большинстве случаев практики, направленные на оптимизацию социальных процессов, получают релятивную оценку. Более того, как убедительно показал С. А. Кравченко, может сложиться ситуация, когда то, что прежде считалось ненормальным, становится нормой [23]. Однако аномия не отменяет запроса на применение социальных технологий, поскольку люди стремятся оптимизировать жизнь даже в негуманном обществе.

С учётом данного обстоятельства, гуманизм может рассматриваться как признак или принцип социальных технологий лишь в рамках парадигмы, в которой они разделены с «социальными антитехнологиями» и изначально наделены позитивным содержанием, то есть соответствующим провозглашённым и принятым в настоящее время в обществе нормам. В сущности, «по умолчанию» они так и трактуются в абсолютном большинстве работ.

Таким образом, социальная технология в процессном отношении структурирована в виде последовательных процедур, однако требует прояснения содержательное наполнение этих процедур. Казалось бы, проблема в данном случае решается довольно просто: социальность технологии указывает на то, что они направлены на преобразование человеческого индивидуального и группового поведения, отношений между людьми. И в этом заключается основание для отделения данного вида практик от процедур обработки природных и технических материалов.

Но такое разделение не является безусловным, так как в преобразовании социальных процессов всегда присутствует и изменение природно-технического («физического») компонента, несмотря на то, что оно не всегда наглядно выражено и уж тем более не доминирует. Так, в ходе трансформации отношений в коллективе меняются материальные носители информации, элементы рабочих мест, средства связи. Очевидно: для того, чтобы процесс оптимизации был наиболее результативен, социальные и природно-технические изменения должны быть синхронизированы. Следовательно, социальная технология интегрирует в себя «несоциальные» по своей природе процедуры.

Кроме того, в гибридном обществе сформировался и приобрёл самостоятельное значение особый класс технологий, который, в зависимости от акцентов на различных аспектах, можно определить как «новые информационные», «виртуальные» или «цифровые». Они не вписываются в рамки традиционного деления на природно-технические – социальные, хотя бы уже потому, что

предполагают «взаимозависимость между человеком и машиной/алгоритмом (human-machine interdependence)» [24, с. 6]. Возникают системы, которые не умеют (пока?) думать, но поддерживают, во всё большем объёме, коммуникации [25; 26]. Исследователи в данной связи рассуждают о новых технологиях (в частности, о технологии искусственного, интеллекта), в чём-то напоминающих социальные, в чём-то от них отличающиеся. Расширение и укрепление этих практик неизбежно ведёт к преобразованию традиционной структуры социальной технологии за счёт включения в неё «цифрового» компонента.

Таким образом, в содержательном отношении в современной социальной технологии целесообразно выделить три взаимосвязанных блока процедур – три компонента: «физический», социальный и информационно-коммуникационный (его допустимо определять как цифровой). Специфику этой структуры необходимо принимать во внимание всякий раз при проектировании социальных технологий. Очевидно, что своего рода «завершённая» социальная технология, то есть готовая к применению, требует синхронных изменений всех трёх видов процедур.

Заключение

Осваивая и оптимизируя социальные отношения в соответствии со своими интересами и целями, люди всё чаще будут вынуждены решать проблему поиска наиболее эффективных и надёжных для целедостижения инструментов. И несмотря на то, что жизненные процессы далеко не всегда рационально упорядочены, порой нестабильны и хаотичны, можно и нужно изыскать возможности для их структурирования посредством применения некоторой «суммы технологий» (С. Лем). Пределы этих возможностей значительно расширяет цифровизация/дигитализация социума. Если, согласно Пифагору, цифра изначально упорядочивала бытие, то цифровизация придаёт данному процессу глобальный характер. Возможно, сегодня впервые возникает возможность менять мир, используя концепцию социальной инженерии, инструментом которой являются социальные технологии. Однако минимально необходимым условием решения данной задачи является ясное понимание феномена социальной технологии, её структуры. В настоящее время уже недостаточно представлений, сложившихся о нём ещё в конце прошлого века. Современный социально-технологический подход к преобразованию общества на любом уровне его самоорганизации требует восприятия социальной технологии как сложно структурированной практики, применение которой предполагает высокий уровень социально-технологического мышления, основанного на способности к операционализации понятий. В настоящей статье мы предприняли попытку осуществить эту процедуру в отношении ключевой категории – «социальная технология», определяя её как сложно структурированный комплекс алгоритмически выстроенных, синхронизированных «физических», социальных и информационно-коммуникационных

(цифровых) процедур и операций, разработанных и используемых для оптимизации общественных процессов.

Безусловно, приведённые в работе тезисы и аргументы в защиту такого подхода не выглядят бесспорными, но, если они всего лишь послужат источником научной дискуссии, авторы воспримут это как хотя и незначительное, но продвижение в разработке теории социальных технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Инженерная онтология. Инженерия как странствие : учебное пособие / В. Никитин, С. Переслегин, А. Парибок [и др.]. Санкт-Петербург : ООО «Полак», 2013. 280 с. ISBN 978-5-91256-156-6. EDN [DJSOGM](#).
2. *Поппер К. Р.* Ницета историцизма / К. Р. Поппер ; пер. с англ. С. А. Кудриной. М. : Прогресс – ВИА, 1993. 187 с. ISBN 5-01-003881-1.
3. *Марков М.* Технология и эффективность социального управления. М. : Прогресс, 1982. 267 с.
4. *Дятченко Л. Я.* Социальные технологии в управлении общественными процессами. М. : Белгород : Центр соц. технологий, 1993. 343 с.
5. *Щербина В. В.* Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 113–124. EDN [SMHNTP](#).
6. *Лесина Л. А., Забокрицкая Л. Д.* Социальные технологии государственного и муниципального управления : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 164 с. ISBN 978-5-7996-3291-5. EDN [OMKOTX](#).
7. Социальные технологии : учебное пособие для вузов / Под ред. И. Б. Орловой. М. : Юрайт, 2024. 180 с. ISBN 978-5-534-18568-3.
8. *Яницкий О. Н.* К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 7–22. DOI [10.19181/snsp.2018.6.1.5734](#). EDN [YTPTYR](#).
9. *Степин В. С.* Россия в контексте глобальных цивилизационных перемен // Вторая Всероссийская научная конференция «Россия – XXI век». М. : Издание Совета Федерации, 2000. С. 31–33.
10. *Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер ; отв. ред. Ю. Н. Давыдов. М. : Прогресс, 1990. 804 с. ISBN 5-01-001584-6. EDN [SGUYOR](#).
11. *Trist E. L., Bamforth K. W.* Some Social and Psychological Consequences of the Longwall Method of Coal Getting // Human Relations. 1951. Vol. 4, № 1. P. 3–38. DOI [10.1177/001872675100400101](#). EDN [JMSLV](#).
12. *Ефременко Д. В., Яницкий О. Н., Ермолаева П. О.* О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 138–147. DOI [10.31857/S004287440005064-5](#). EDN [ZKEUPR](#).
13. *Сурмин Ю. П., Туленков Н. В.* Теория социальных технологий : учебное пособие. Киев : МАУП, 2004. 608 с. ISBN 966-608-449-X.
14. *Вольчик В. М., Филоненко Ю. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д.* Адаптивная рациональность, адаптивное поведение и институты // Journal of institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7, № 4. С. 138–155. DOI [10.17835/2076-6297.2015.7.4.138-155](#). EDN [VIKNWP](#).
15. *Polonioli A.* Stanovich's Arguments Against the "Adaptive Rationality" Project: An assessment // Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History

- and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 2015. Vol. 49. P. 55–62. DOI [10.1016/j.shpsc.2014.12.003](https://doi.org/10.1016/j.shpsc.2014.12.003).
16. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М. : Прогресс, 1976. 259 с.
 17. Социальное управление : словарь / Под. ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенькова. М. : Изд-во МГУ, 1994. 208 с. ISBN 5-211-02620-9.
 18. Burke E. Reflection On the Revolution in France. Indianapolis : Hackett Pub. Co., 1987. 236 p. ISBN 978-0-87220-021-0.
 19. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова ; под ред. и послесл. В. И. Аршинова. М. : Прогресс, 1986. 431 с.
 20. Бурмыкина И. В. Управление формированием и развитием социально-технологической культуры современного менеджера. Белгород : Изд-во БелГУ, 2009. 358 с. ISBN 978-5-9571-0374-7. EDN [QTUKGN](#).
 21. Серкина Я. И. Институциональное регулирование рискогенеза в процессе цифровизации и дигитализации образовательного пространства провинциальных вузов : дис. ... д-ра социол. наук : 5.4.7 / Серкина Яна Игоревна ; БелГУ. Белгород, 2023. 534 с. EDN [ZUZFCS](#).
 22. Конищева Е. В. Регулирование взаимодействий субъектов образовательного пространства вуза в ситуациях профессионально-жизненных затруднений: автореф. дис. ... канд. социол. наук : 5.4.7 / Конищева Евгения Васильевна ; науч. рук. Т. Н. Каменева ; Белгород, 2023. 21 с. EDN [MLPXHQ](#).
 23. Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8 (364). С. 3–10. EDN [SOARRD](#).
 24. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3 (175). С. 3–22. DOI [10.14515/monitoring.2023.3.2384](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384). EDN [WJFDVF](#).
 25. Esposito E. Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms // Zeitschrift für Soziologie. 2017. Vol. 46, № 4. P. 249–265. DOI [10.1515/zfsoz-2017-1014](https://doi.org/10.1515/zfsoz-2017-1014).
 26. Esposito E. Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence. Cambridge : The MIT Press, 2022. 200 p. ISBN 978-0-262-04666-4. DOI [10.7551/mitpress/14189.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/14189.001.0001).

Сведения об авторах

В. П. Бабинцев

доктор философских наук, профессор
профессор
SPIN-код: [8599-4267](#)

Г. Н. Гайдукова

кандидат социологических наук, доцент
доцент
SPIN-код: [4529-6781](#)

Я. И. Серкина

доктор социологических наук, доцент
профессор
SPIN-код: [7133-9098](#)

Ж. А. Шаповал

кандидат социологических наук, доцент

доцент

SPIN-код: 2588-8652

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 19.04.2026; одобрена после рецензирования 10.05.2026; принята к публикации 16.07.2026.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.5

ABOUT THE STRUCTURE OF SOCIAL TECHNOLOGY

Valentin Pavlovich Babintsev¹

Galina Nikolaevna Gaidukova²

Yana Igorevna Serkina³

Zhanna Aleksandrovna Shapoval⁴

^{1, 3, 4} Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

² North-Western Institute of Management – branch of RANEPA,
Saint-Petersburg, Russia

¹ babintsev@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-0112-6145

² gaydukova-gn@ranepa.ru,

ORCID 0000-0001-6300-9174

³ serkina_ya@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-5106-7104

⁴ shapoval@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-8069-9274

For citation: Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Serkina Ya. I., Shapoval Zh. A. About the structure of social technology. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):81–96. (In Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.5.

Abstract. The article is devoted to the theoretical rethinking of the phenomenon of social technology in the context of the increasing complexity of the technical and technological structure of modern society, digitalization and the formation of a hybrid reality. The purpose of the work is to consider social technology as a complexly structured social practice, the effectiveness of which in a hybrid environment is ensured by algorithmization and synchronization of its key elements. The methodological basis of the research is the provisions of the theory of social action. M. Weber, emphasizing the dominance of the goal-oriented type of behavior in modern civilization, as well as the concepts of sociotechnical and sociobiotechnical systems. The authors rely on a comparative analysis of publications, dissertation research and educational literature on the problems of social management, social engineering and social technologies. The work emphasizes that the ideas about social technology that developed at the end of the last century in a hybrid reality need

to be supplemented and adjusted, which is due, firstly, to a change in the very object of technologization – social processes that acquire a hybrid, multidimensional and internally contradictory character; secondly, the massive introduction of digital technologies, generating sociobiotechnical systems; Thirdly, the conceptual framework is insufficiently developed, in particular, the lack of strict criteria for distinguishing social technology from related concepts (“social management method”, “social management technology”, “social management mechanism”, “social management procedure”, “digital technology”). It is proved that currently social technology should be understood as a complex structured complex of algorithmically built, synchronized “physical” (natural and technical), social and information and communication (digital) procedures and operations developed and used to optimize social processes. The authors emphasize that the proposed approach does not claim to be indisputable, but is intended to stimulate scientific discussion and further development of the theory of social technologies in relation to the challenges of a digital and hybrid society.

Keywords: social technology, social engineering, engineering knowledge, hybridization, digitalization, sociobiotechnical system, social management

Acknowledgments: the research was funded by the grant No. 25-28-02281 of the Russian scientific foundation (<https://rscf.ru/project/25-28-02281/>).

REFERENCES

1. Nikitin V., Pereslegin S., Paribok A., et al. Engineering ontology. Engineering is like a journey. Textbook. Saint Petersburg: OOO “Polaks”; 2013. 280 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91256-156-6.
2. Popper K. R. The poverty of historicism [Nishheta istoricizma]. Translated from English by S. A. Kudrina. Moscow: Progress – VIA; 1993. 187 p. (In Russ.). ISBN 5-01-003881-1.
3. Markov M. Technology and effectiveness of social management. [Texnologiya i e’fektivnost’ social’nogo upravleniya]. Moscow: Progress; 1982. 267 p. (In Russ.).
4. Dyatchenko L. Ya. Social technologies in the management of social processes [Social’ny’e texnologii v upravlenii obshhestvenny’mi processami]. Moscow; Belgorod: Centr social’nyx texnologij; 1993. 343 p. (In Russ.).
5. Shcherbina V. V. Social technologies: the history of the emergence of the term, the transformation of content, the current state. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014;(7):113–124. (In Russ.).
6. Lesina L. A., Zabokritskaya L. D. Social technologies of state and municipal management: a textbook. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta; 2021. 164 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-3291-5.
7. Orlova I. B., ed. Social technologies: a textbook for universities. Moscow: Yurajt; 2024. 180 p. (In Russ.). ISBN 978-5-534-18568-3.
8. Yanitskiy O. N. On the problem of modernization of humanitarian knowledge. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social’naja praktika*. 2018;6(1):7–22. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2018.6.1.5734](https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734).
9. Stepin V. S. Russia in the context of global civilizational changes [Rossiya v kontekste global’ny’x civilizacionny’x peremen]. In: The second all-Russian scientific conference “Russia – the XXI century” [Vtoraya Vserossijskaya nauchnaya konferenciya «Rossiya – XXI vek»]. Moscow: Izdanie Soveta Federacii; 2000. P. 31–33. (In Russ.).
10. Weber M. Selected works [Izbranny’e proizvedeniya]. Moscow: Progress; 1990. 804 p. (In Russ.). ISBN 5-01-001584-6.

11. Trist E. L., Bamforth K. W. Some social and psychological consequences of the longwall method of coal getting. *Human Relations*. 1951;4(1):3–38. DOI [10.1177/001872675100400101](https://doi.org/10.1177/001872675100400101).
12. Efremenko D. V., Yanitskiy O. N., Ermolaeva P. O. On sociobiotechnical systems. *Questions of Philosophy=Voprosy filosofii*. 2019;(5):138–147. (In Russ.). DOI [10.31857/S004287440005064-5](https://doi.org/10.31857/S004287440005064-5).
13. Surmin Yu. P., Tulenkov N. V. Theory of social technologies: textbook [Teoriya social'ny'x texnologij: ucheb. posobie]. Kiev: MAUP; 2004. 608 p. (In Russ.). ISBN 966-608-449-X.
14. Volchik V. M., Filonenko Yu. V., Krivosheeva-Medyantseva D. D. Adaptive rationality, adaptive behavior, and institutions. *Journal of Institutional Studies=Zhurnal institucionalnykh issledovaniy*. 2015;7(4):138–155. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2015.7.4.138-155](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.4.138-155).
15. Polonioli A. Stanovich's arguments against the “adaptive rationality” project: An assessment. *Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2015;49:55–62. DOI [10.1016/j.shpsc.2014.12.003](https://doi.org/10.1016/j.shpsc.2014.12.003).
16. Stefanov N. Social sciences and social technology [Obshchestvenny'e nauki i social'naya texnologiya]. Moscow: Progress; 1976. 259 p. (In Russ.).
17. Dobrenkov V. I., Slepnev I. M., eds. Social management. Dictionary [Social'noe upravlenie. Slovar']. Moscow: Izd-vo MGU; 1994. 208 p. (In Russ.). ISBN 5-211-02620-9.
18. Burke E. Reflection on the revolution in France. Indianapolis: Hackett Pub. Co.; 1987. 236 p. ISBN 978-0-87220-021-0.
19. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos. A new dialogue between man and nature [Poryadok iz xaosa. Novy'j dialog cheloveka s prirodoj]. Translated from English by Yu. A. Danilov Moscow: Progress; 1986. 431 p. (In Russ.).
20. Burmykina I. V. Management of the formation and development of socio-technological culture of a modern manager [Upravlenie formirovaniem i razvitiem social'no-texnologicheskoy kul'tury' sovremennogo menedzhera]. Belgorod: Izd-vo BelGU; 2009. 358 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9571-0374-7.
21. Serkina Ya. I. Institutional regulation of risk genesis in the process of digitalization and digitalization of the educational space of provincial universities: doctor's sociology dissertation. Belgorod, 2023. 534 p. (In Russ.).
22. Konishcheva E. V. Regulation of interactions of subjects of the educational space of the university in situations of professional and life difficulties: abstract of the candidate of sociology dissertation. Belgorod, 2023. 21 p. (In Russ.).
23. Kravchenko S. A. “Normal anomie”: contours of the concept. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014;(8):3–10. (In Russ.).
24. Rezaev A. V., Tregubova N. D. From the sociology of algorithms to the social analysis of artificial sociality: an analysis of API and ChatGPT cases. *Public opinion monitoring: economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023;(3):3–22. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2023.3.2384](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384).
25. Esposito E. Artificial communication? The production of contingency by algorithms. *Zeitschrift für Soziologie*. 2017;46(4):249–265. DOI [10.1515/zfsoz-2017-1014](https://doi.org/10.1515/zfsoz-2017-1014).
26. Esposito E. Artificial communication: how algorithms produce social intelligence. Cambridge: The MIT Press; 2022. 200 p. ISBN 978-0-262-04666-4. DOI [10.7551/mitpress/14189.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/14189.001.0001).

Information about the Authors

V. P. Babintsev

Doctor of Philosophy, Professor
Professor
ResearcherID: **ABD-1868-2020**
Scopus AuthorID: **23975595200**

G. N. Gaidukova

Candidate of Sociology, Associate Professor
Associate Professor
ResearcherID: **N-5679-2016**
Scopus AuthorID: **56039301000**

Y. I. Serkina

Doctor of Sociology, Professor
Associate Professor
ResearcherID: **O-4544-2017**
Scopus AuthorID: **57190881205**

Zh. A. Shapoval

Candidate of Sociology, Associate Professor
Associate Professor
ResearcherID: **ABC-8698-2020**
Scopus AuthorID: **57202379507**

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 19.04.2026; approved after reviewing 10.05.2026; accepted for publication 16.07.2026.